

Светлана Супрунова

Светлана Вячеславовна Супрунова родилась в 1960 году в городе Львове. После окончания Ленинградского медицинского училища работала медсестрой в хирургическом отделении Нестеровской районной больницы Львовской области. В 1985 году по направлению военкомата уехала в Афганистан, в медсанбат провинции Баграм. Вернувшись через три года, поступила в Калининградский государственный университет на филологический факультет, параллельно училась в Литературном институте им. М. Горького на заочном отделении.

С 1995 по 2000 год проходила воинскую службу в Таджикистане, затем девять лет работала старшим литературным редактором в издательстве «Янтарный сказ» (Калининград). Сейчас возглавляет редакцию научного журнала Калининградского государственного технического университета.

Автор пяти поэтических сборников. Член Союза писателей России.

Смерть старушки

Часы, минуты, как их мало,
И думы, думы о былом...
Всё снимки прошлые искала
В комодке стареньком своём.

Нехитрый скарб перебирала —
Как утешалась от обид.
Невестка толстая ворчала,
Что много света нагорит.

Она задумалась немного,
Рукой махнула на дела
И в новом платье, у порога
Оставив тапочки, ушла.

И странной виделась разлука:
Стоит комод, но из угла
Уже ни шороха, ни звука.
И снова день... Она ушла.

Как будто соль купить забыла
Или ещё чего купить
И дверь тихонечко закрыла,
Чтоб никого не разбудить.

Никому не скажу и уеду,
Ни друзей, ни любви не найдя,
И пойду с чемоданом по следу
Полоснувшего поле дождя.

Васильки не оставят в покое,
И ромашки надарят тепла.
Всё живое, такое родное,
Так бы шла потихоньку и шла.

Будут рядом закаты, восходы.
Так душевно – один на один.
Приживусь на недели, на годы
Среди ягод и тонких осин.

Забредёт сюда кто-то, возможно,
Помолчит, на места поглядит.
«Как там мир?» – расспрошу осторожно.
«Да куда ему деться? Стоит», –

Так ответит – легко, равнодушно,
Потому и поверю ему.
Что желать? Ничего и не нужно,
Если сытно и тихо в дому.

У подъезда

Снова от внуков сюрприз:
Быстро одели, обули,
Вывели под руки вниз.
«Мы на часок». – Упорхнули.

Скрылось за домом авто.
Здесь бы сидеть-отсидеться.
Старое греет пальто,
Только душе не согреться.

Жизнь пролилась, как вода,
Съедено лиха до крошки.
Вон над макушкой звезда
И зажелтели окошки.

Думы – что в печке зола,
Мир не становится шире.
Внуки не едут – дела.
Суетно, суетно в мире...

В темень куда-то глядит,
Что-то нездешнее слышит,
Тихо под небом сидит.
Дедушка воздухом дышит.

Справа речка, а слева опушка.
А грибов-то – под каждым кустом!
Деревянная мокнет церквушка
Под холодным осенним дождём.

Скрипнет дверь, запоют половицы,
И ни певчих, ни благостных лиц.
На стенах из журнала страницы,
И святые глядят со страниц.

Я таких не видала окраин.
Позолота нигде не блеснёт,
И в поношенной рясе хозяин
В одиночестве службу ведёт.

Спозаранку молебен читает
За страну и за завтрашний день.
Уж не крестит, а всё отпевает
Поколенье глухих деревень.

Всё едино – дожди, завируха.
Эту древнюю дверь отопрёт,
Приблудится, бывает, старуха
И свечу, как на память, зажжёт.

Столько света в приюте убогом,
Что, теряясь, почти не дыша,
Прослезится от близости с Богом
Непутёвая чья-то душа.

В старом доме

Старый дом и новый дом.
В первом – тусклые окошки,
Жуткий запах, бродят кошки –
Всё не так, как во втором.

Вечно охает, скрипит
Дверь, расшатанная тяжко.
На ступеньке грязной Пашка
Беломориной дымит.

Ни мыслинки дельной нет,
В голове темно с похмелья.
Комнатка его – как келья:
Стол, кровать и табурет.

Потянуло сквозняком,
А на Пашке лишь тельняшка.
В щель дверную видит Пашка
Только снег и новый дом.

Как там держится народ?
Перемолвиться бы словом.
И не знают в доме новом,
Как тут Пашка, как живёт.

Памяти Михаила Анищенко

Забудь слова, приметы, лица
И, счёты с миром не сводя,
Попробуй взять и раствориться
В холодных капельках дождя.

Михаил Анищенко

Чей взгляд придирчивый заметил,
Что дождь с утра заморосил
И что задул сильнее ветер?
Ты уходил, ты уходил.

Всего три шага до погоста,
Но, не довольствуясь крестом,
Наверно, это очень просто:
Дождинкой стать и стать листом.

Не предъявить претензий миру –
Пусть за тебя он всё решит –
И, в старый шкаф спрятав лиру,
Уйти без всяческих обид.

Земля зовёт, почти не дышит,
На свежий холм перекрещусь.
Россия ничего не слышит,
Но, рот зажав, рыдает Русь.

Последний житель

В деревне единственный житель,
Ни шума, ни звона окрест.
Отшельник, а может, смотритель
Суровых запущенных мест.

Весной огородик вскопает,
Не страшно среди леса вдовцу.
И зайцы, и лисы, бывает,
Без страха подходят к крыльцу.

Залает приبلудная шавка.
Не сыщешь печальней земли:
Не ходит сюда автолавка,
Дороги травой заросли.

Холодные ветры всё древней,
На карте участок пустой,
Как будто с ушедшей деревней
Всё меньше России самой.

А он как оставлен на страже,
Сидит у могилы мертво
И как-то не думает даже,
А кто похоронит его.

Сосед галичанский, скажи,
Зачем твои пули летают?
Боюсь не наветов и лжи,
Мне страшно, когда убивают.

Не видеть бы хаты в огне,
И ссоры не хочется в целом.
Наверно, страшнее вдвойне
Тому, кто лежит под прицелом.

И страшно уже за страну,
Где каждый четвёртый – калека.
Мальчишки играют в войну.
Не целься, сынок, в человека!

Бронзовый солдат

Донбасс в крови. Опять летит снаряд,
И доползти до дома нету силы.
Стоит за шахтой бронзовый солдат,
И зеленеют братские могилы.

Он видит всё: огонь и чёрный дым,
Как чьи-то тени к погребу метнулись.
Уже под флагом жёлто-голубым
Они идут, они опять вернулись!

Чеканят шаг, они сегодня злей,
Они заматерели за полвека.
Прицелятся – не слышат матерей,
Курок нажмут – не видят человека.

Как на посту, прервав когда-то бег,
Стоит солдат под холодом столетий.
И за его спиной – ушедший век,
За плащ-палаткой – снова сорок третий.

И он сжимает верный автомат...
Такое время жуткое настало,
Что кажется: не выдержит солдат,
Из бронзы выйдя, спрыгнет с пьедестала.

Поэзия

Забыть слова на месяцы, на годы,
Отшевелив губами, замолчать,
Остаться дома из-за непогоды
И не суметь ненастье обругать.

Смотреть в окошко на кресты и флаги,
Копить печали, словно вызреть,
Водить пером впустую по бумаге,
И вспоминать слова, и вспоминать.

Отгоревать, отплакать, отсмеяться.
Но вырвутся из снежной целины
На белый свет – как заново родятся –
Лишь те слова, которые нужны,

Невычурные, самые простые.
И вспыхнет свет божественный в ночи,
И сбудется – заговорят немые.
Утихни каждый, слушай и молчи!